

ЗНАНИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: itkasavin@gmail.com

Статья дает обобщенное представление о природе исторической эпистемологии и выделяет ее основные проблемы: априорность исторической реальности, парадоксальность исторического знания и иллюзорность исторического субъекта. Историческая эпистемология понимается как особый философский дискурс, целью которого является культурная ассимиляция новой исторической реальности на стыке науки и общества путем конструирования исторического знания. Проводится различие между позицией историка науки и исторического эпистемолога в вопросах о сущности исторического события и исторического факта. Указываются границы исторической эпистемологии. С одной стороны, это субстанциалистская трактовка исторического события, которое лишается своей априорности лишь путем социально-эпистемологического объяснения. С другой стороны, фигура исторического субъекта (героя и автора), сохраняя статус теоретической фикции в исторической эпистемологии, наполняется адекватным смыслом лишь в экзистенциальной философии науки.

Ключевые слова: Историческая эпистемология, социальная эпистемология, историческое событие, исторический факт, аномалия, исторический субъект

KNOWLEDGE AND REALITY IN THE HISTORICAL EPISTEMOLOGY

Ilya T. Kasavin – DSc in Philosophy, correspondent member of the Russian Academy of Sciences, head research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: itkasavin@gmail.com

The article gives a generalized view of the historical epistemology and highlights its main problems: the nature of historical reality, historical knowledge and historical agent. The historical epistemology represents a special philosophical discourse, the purpose of which is constructing historical knowledge for cultural assimilation of the new historical reality at the intersection of science and society. A distinction is proposed between the position of a historian of science and a historical epistemologist in terms of the essence of historical event and historical fact. The historical epistemology reveals its boundaries and a position within modern epistemological approaches. On the one hand, it is the substantialist interpretation of the historical event, which loses its a priori status only by socio-epistemological explanation. On the other hand, a figure of the historical agent (hero and author) keeping the status of a theoretical fiction in historical epistemology, acquires the adequate meaning in the existential philosophy of science.

Keywords: Historical epistemology, social epistemology, historical event, historical fact, anomaly, historical agent

Введение

Историческая эпистемология – один из влиятельных современных подходов к исследованию науки. Задача настоящей статьи в том, чтобы дать самое общее представление о данном подходе, его сфере и границах, предлагая одновременно несколько тезисов для дальнейших дискуссий в этом направлении.

Сто тридцать лет со дня рождения Б.Л. Пастернака побуждают нас вспомнить, каким образом история и личность, революция и лирика переплетаются в его поэме «Высокая болезнь» (1923–1928). В ней есть несколько выразительных находок, которые просятся в строку при размышлении об историческом знании и реальности. Одна из них – это следующее четверостишие.

Чреду веков питает новость,
Но золотой ее пирог,
Пока преданье варит соус,
Встает нам горла поперек.

В этой выразительной метафоре речь идет о важном историческом событии, которое настолько неожиданно и драматично, что бесцеремонно вторгается в человеческие судьбы и перекраивает их. И вплоть до тех пор, пока оно не облекается в форму исторического дискурса, не встраивается в общество и культуру, его значение для последующего развития остается непонятным и неоцененным по достоинству. Отсюда вытекает особая роль интеллектуала, который пишет историческую и художественную летопись эпохи, находя гармоничное сочетание личных переживаний и социокультурных смыслов данного события. Историческая эпистемология (ИЭ) в нашем понимании и есть особый философский дискурс, который конструирует и использует историческое знание для вписывания в культуру некоторой новой исторической реальности, возникающей на стыке науки и общества.

Самоназвание «историческая эпистемология» (*l'épistémologie historique*) обычно ассоциируется с французской интеллектуальной традицией (П. Дюгем, Э. Мейерсон, Г. Башляр, Ж. Кангилем, М. Фуко и др.). Однако в последние годы становится популярной более широкое представление об этом течении, в котором находит свое место немецкая (Э. Мах, Э. Гуссерль, Э. Кассирер, К. Хюбнер), а также англо-американская (У. Хьюэлл, А. Кромби, Т. Кун, М. Вартовски) историко-научная и философская мысль¹. Причем едва ли будет преувеличением сказать, что именно направление англо-американской ИЭ развивается наиболее активно: к ней относят работы, среди прочих, Я. Хакинга, А. Дэвидсона, П. Галисона, Л. Дастон, С. Шеффера,

¹ Более обстоятельный обзор течений ИЭ см. [Шиповалова, 2018a].

И. Стенгерс [Столярова, 2018]. Причем это направление не демонстрирует особенной дистанции от других традиций. Уже Т. Кун вспоминал о Л. Флеке и А. Койре; К. Хьюбнер ссылаясь на П. Дюгема и самоопределялся по отношению к К. Попперу и Т. Куну. Многие публикации представителей французской и немецкой школ ИЭ также выходят на английском. Нам еще предстоит, видимо, взять в привычку выделение российской традиции в ИЭ, к которой, на наш взгляд, принадлежат Б. Гессен, М.К. Петров, Л.М. Косарева, В.С. Степин. Сегодня в СПбГУ реализуется масштабный проект РФФИ «Историческая эпистемология: теоретические основания и исследовательские перспективы» (рук. Л.В. Шиповалова). Стоит также отметить близость культурно-исторической, социальной и исторической эпистемологии в российском дискурсе.

Современные дискуссии в ИЭ демонстрируют самореферентную историко-эпистемологическую направленность – они ориентированы на постоянное осмысление своих традиций, что является объяснительным принципом и самостоятельным фактором развития. Историческое объяснение и в самом деле работает применительно ко многим эпистемическим ситуациям. Например, связь концепции Т. Куна с Гарвардскими историческими кейсами, социальными контекстами маккартизма и французской студенческой революции может иметь существенный объяснительный потенциал применительно к Стэнфордской школе *entity realism* (*Stanford Disunity Mafia* – Й. Хакинг, Н. Картрайт, Дж. Дюпре, П. Суппес, П. Галисон). Эта связь поясняет, в частности, интерналистские интенции Куна и Галисона.

Однако наряду с осмыслением собственной традиции ИЭ имеет систематическое измерение, собственный предмет и тематику, специфический набор понятий и проблем. Это вопросы о природе исторической реальности и исторического знания, соотношении истории и рациональности в эпистемологической реконструкции, о внутренней и внешней истории, различии исторической и социальной эпистемологии, характере исторического субъекта. ИЭ наследует многие из проблем теоретической истории науки, эпистемологии и философии науки в целом, однако переосмысливает их в ракурсе радикального приоритета диахронного видения перед синхронным, истории перед теорией². Наша гипотеза состоит в том, что в ряду современных эпистемологических учений ИЭ, с одной стороны, ограничивается социальной эпистемологией, а с другой – экзистенциальной философией науки.

² Тематика ИЭ была основательно представлена на страницах «Epistemology and Philosophy of Science» в рамках редакционных статей, панельных дискуссий и отдельных публикаций последних лет, а также в «Вестнике Томского государственного университета», 2018, № 45.

Историческая реальность

Историческая реальность, взятая как предмет рассмотрения в культурном или познавательном аспекте, помещается тем самым в фокус онтологического дискурса. Конечно, онтология, как и эпистемология, есть определенная позиция рефлексии. Я вижу специфику онтологии в том, что она обобщает наличные научные теории и данные о реальности особого рода, представляя наиболее надежные и легитимизированные *результаты* познания. В случае онтологии истории это представления историков об историческом процессе, об историческом событии, историческом времени и пространстве, исторической причинности. Всякая онтология являет собой фундаменталистскую и потому до некоторой степени наивную позицию. Это поиск устойчивых оснований, позволяющих говорить о реальности как чем-то первичном, причине всех вещей, сфере референций, наборе беспроблемных очевидностей, платформе, на которой покоится весь мир человека. Эта позиция неизбежна, даже если мы говорим об исторической онтологии.

Вопрос о специфике *исторической* онтологии имеет две стороны. С одной стороны, – и это самый простой мыслительный ход – мы размышляем об онтологии особого фрагмента реальности – истории природы или истории людей, если вспомнить фразу К. Маркса и Ф. Энгельса из «Немецкой идеологии». С другой стороны, мы делаем парадоксальный шаг в сторону *историзации* онтологии, рассмотрения ее не как результата нашего познания, но как исторически становящейся, изменяющейся картины мира, на которой основаны все частные результаты. И все же подчеркивая момент исторической динамики, мы все равно вынуждены еще больший акцент делать на исторических априори как доминантах, островках стабильности, закономерности исторического процесса, иначе отличие исторической онтологии от исторической эпистемологии просто исчезает.

Так, историко-онтологический дискурс о науке будет иметь своим предметом устойчивые формы деятельности и коммуникации, существующие в качестве социальных институтов. Вероятно, наиболее объемным символом коммуникативной онтологии науки выступают «зоны обмена» (П. Галисон). Их донаучные и современные типы (от аптеки, типографии и палубы корабля до академий, лабораторий, университетов, «гаражной науки», сетевой науки и пр.), взятые в аспекте исторического формирования и исторической судьбы, и есть та изменяющаяся реальность, на которой покоится наука.

Историческая онтология переосмысливает применительно к науке основные понятия метаистории. Главным из них является понятие исторического события как первичного «кирпичика» исторического процесса. Для историка науки в роли исторического события выступает фундаментальная идея (У. Хьюэлл), стиль научного мышления

(А. Кромби), парадигма (Т. Кун), эпистема (М. Фуко), тематическое пространство (Дж. Холтон), научно-исследовательская программа (И. Лакатос), традиция (П. Фейерабенд). Их первичность означает, что историческое событие представляет собой *causa sui*, причину самой себя. Самопричинность аналогична самореферентности. Говорить о причинах исторических событий невозможно точно так же, как и определять по родовидовому отличию термины, смыслу которых приписывается предельная степень общности. Напротив, историческое событие есть начало причинно-следственной цепи, исток всех последующих, вторичных событий в данной области. Оно исторично не потому, что эмерджентно и изменчиво во времени, но потому, что выступает априорным условием истории, делает историю. Оно подобно Большому взрыву в космологии, благодаря которому возникает пространство, время, причинность, масса и другие физические категории. Так, «Государство» Платона с его идеей власти мудрейших выступает историческим событием по отношению к ренессансной «республике ученых», «Дому Соломона» Ф. Бэкона и последующим проектам и реализациям научных коммуникаций в «невидимых колледжах», «эпистолярных сообществах», научных кружках и, далее, в академиях наук.

Подобно тому как причинность возникает лишь с историческим событием, историческое пространство и время также порождаются им. Парадигма, завершив научную революцию, структурирует научное общество и задает его динамику. Вся наука проектируется и представляется как школьный класс, где каждый ученый сидит за своей партой и решает свой вариант контрольной, а все вместе выполняют школьную программу, постепенно переходя из класса в класс. Пространство и время за пределами школы оказываются областью пустыря и самовольного перекура, это неосвоенные территории безвременья (доисторические и постисторические зоны). В коридорах между партами располагаются потенциальные зоны интерференции, в которых зарождаются смешанные формы, источники новых историй. Учитель стремится к тому, чтобы все территории заставить партами и исчерпать тем самым все историческое пространство. В реальности это недостижимо, но в трудах макроисториков именно так и выглядит нормативная история науки. В ней нет места до- или постисторичности, не существует и внешней истории.

Вместе с тем современная ИЭ постепенно преодолевает искусственно-нормативно-парадигмальное видение и переходит к более подробному описанию истории науки. Тем самым в фокус внимания попадают не краткие периоды тотальной власти крупных исследовательских программ, но, напротив, более длительные эпохи «разброда и шатаний», становления фундаментальных картин мира, интенсивного взаимодействия теорий, экспериментов и инструментов с разнообразными культурными и социальными контекстами. В таком случае

фокус и периферия меняются местами. Историческое формируется не вокруг доминантных теорий (это, скорее, продукт реконструкции post factum), но вокруг зон обмена – креативных площадок роста знания, центров «мягкой силы», подчиняющихся аналогичным закономерностям. Мы выделили, опираясь на метод «grid-group analysis» (М. Douglas), два главных параметра всякой зоны обмена – смысловую близость и практическое взаимодействие, – каждый из которых может быть выражен слабо или сильно (рис. 1).

	High meaning	Low meaning
High practice	Disciplinary community	Interdisciplinary project team
Low practice	Invisible college	Collapsed trading zone

Рис. 1

Пространство зоны обмена так же претерпевает диффузию по мере уменьшения области пересечения смыслов и снижения интенсивности научного взаимодействия. Эта эмпирическая закономерность демонстрируется наглядно, если построить граф цитирования в условиях пересечения смысловых полей и практики научной коммуникации (рис. 2). Тогда цитирование будет уменьшаться по мере смыслового удаления и уменьшения деловых контактов. Эвристический смысл такого моделирования состоит в том, что оно позволяет повысить эффективность коммуникации двумя способами. Во-первых, это оптимизация коммуникации при минимуме смысловой близости и, напротив, интенсификация коммуникации при существенной смысловой близости. Во-вторых, это использование смысловых фильтров в отсутствие коммуникации и, напротив, поиск смысловых пересечений в условиях интенсивной коммуникации.

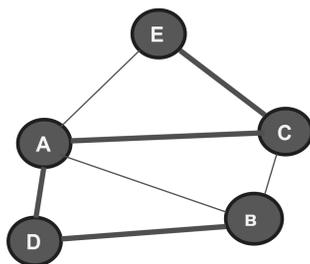

Рис. 2

Расстояние между узлами А, В, С, D, Е = интенсивность коммуникации
Толщина линии ребра = смысловая близость

Таким образом, историческое пространство гетерогенно и характеризуется нарастанием энтропии: оно направлено из центра на периферию, «с горы в долину». Оно словно выписано кистью пуантилиста как множество пятен; к нему применима метафора Н. Картрайт: «the dappled world» [Cartwright 1999]. Это мерцающий мир «креативной онтологии знания», мир локальных центров силы, холмов и долин, путей и стоянок [Касавин, 1999].

Историческое время возникает вместе с историческим событием и является не его вместилищем, а последовательным развертыванием события как архетипа последующих вторичных событий. Глубина истории поэтому есть не укорененность исторического события в прошлом, но его современная значимость. История – не пыльный архив, а собрание настольных книг. Она показывает, что Евклид и Архимед – наши современники, в то время как многие из нас должны сказать о себе словами Б. Латура, пусть и в другом смысле: «we have never been modern» [Latour, 1991].

Так понятый историзм обнаруживает множественные параллели с квантово-механической картиной мира. История принципиально феноменологична, ею не управляют глубинные закономерности. Беспричинность исторического события напоминает невозможность скрытых параметров. И напротив, оно существенно зависит от наблюдателя, от позиции рефлексии, направленной на то, чтобы извлечь историю из воображаемого, несуществующего прошлого, открыть ее современный смысл. Отсюда и идея исторической случайности, контингентности. Историческое событие не есть равнодействующая иных событий или сил, оно судьбоносно потому, что не зависит ни от чего иного и в этом смысле случайно. История – это область, в которой все могло случиться иначе и, вероятно, случилось иначе, чем мы полагаем. Идея «возможных историй науки» [Степин, 2000, с. 712] гласит, что теории, картины мира, парадигмы представляют собой что-то вроде исторических пульсаров, они то вспыхивают, то гаснут, и могут уходить в тень и вновь возвращаться на авансцену. Эта мысль иллюстрируется В.С. Степиным, в частности, примером из истории электромагнитной теории, когда программа Ампера – Вебера, уступив место программе Фарадея – Максвелла, в дальнейшем была востребована для решения некоторых частных задач.

Историческая онтология является априорным условием всякого исторического видения и его осмысления в рамках исторической эпистемологии. Вместе с тем, более масштабная точка зрения укореняет данный априоризм в социальности. Тогда историческое событие предстает лишь исходным пунктом размышлений историка, побуждаемого к этому внешними социокультурными обстоятельствами. Социальная эпистемология, располагаясь на границе ИЭ, помещает

эти обстоятельства в фокус внимания, описывает предпосылки исторического дискурса и раскрывает априорную тайну исторического события [Касавин, 2018].

Историческое знание

Многие авторы, исследовавшие современность (postmodernity), обнаруживают ее текучесть, невидимость, призрачность и прозрачность. Причина этого в том, что большое видится на расстоянии. Сознание, включенное в мир, нуждается в дистанции, чтобы сделать его фрагмент своим предметом. А. Шюц говорил в этой связи о социальном ученом как «чужаке»: исследование всякого человеческого сообщества возможно лишь «снаружи», глазами субъекта, который хотя бы отчасти отстранен от данной системы отношений. Б. Брехт (возможно, приоритет здесь принадлежит В.Б. Шкловскому) вводит для обозначения такой рефлексивной позиции термин «*Verfremdung*» (остранение).

Для исторической эпистемологии это обстоятельство означает, что историческое событие может превратиться в эмпирически фиксируемое знание, т.е. исторический факт лишь при прошествии некоторого времени. Именно тогда оно, с одной стороны, умиротворит свою эмоциональную суггестию, а с другой – обрстет набором слухов, сплетен и интерпретаций, т.е. приобретет теоретическую нагруженность. Возникающий информационный туман затемняет мелкие детали и позволяет выделить главное. Одновременно он предоставляет разнообразные концептуальные ресурсы для теоретических дискуссий. *Парадокс исторического знания в том, что забвение обеспечивает постижение.* Искажения исторического события благодаря историческому времени выступают необходимыми условиями его познания: они служат формированию остраненной рефлексии историка. Подобно медику, который изучает болезнь и борется с ней, историк постигает смысл исторического события, исследуя его ложные образы в кривом зеркале интерпретаций.

Однако позиции историка и исторического эпистемолога существенно различны. Первый нащупывает смысл исторического события индуктивно-эмпирически, формулируя апостериорное понятие на основе анализа множества частных свидетельств. Историк сталкивается с бесконечным регрессом оснований, но не чувствует драматизма ситуации, поскольку все факты имеют для него лишь случайный, контингентный смысл [Шиповалова, 2018б]. Временная оптика историка фокусируется из настоящего в прошлое, а исследовательские перемещения представляют собой центростремительное движение концентрическими кругами. Историк ходит вокруг исторического события, стремясь подойти к нему все ближе. Он перебирает

доступные исторические аналоги, популярные образы и свидетельства эпохи, никогда не доверяя им полностью. Исторический эпистемолог, напротив, формулирует смелую догадку относительно исторического события как исторического априори. Он сознательно ставит предел регрессу оснований, постулируя историческое событие как первичный, исходный пункт последующей истории. Мысленное разворачивание события, т.е. выведение следствий из такой гипотезы и их проверка с помощью фактов, найденных историком – такова стратегия исторической эпистемологии. Взгляд исторического эпистемолога направлен из прошлого в настоящее и будущее; он логически конструирует возможную историю науки.

В то время как историк неудержимо ищет новые и новые факты, исторический эпистемолог удовлетворяется небольшим количеством фактуры, осознавая недодетерминированность теории фактами (тезис Дюгема – Куайна). Фактов всегда не хватает, и потому они ценны не как сигнал реальности, но как стимул для воображения. Для эпистемолога исторический факт – лишь временный результат рациональной реконструкции перспективы, которая всегда недостаточно обоснована эмпирически. Он видит этот недостаток как непреодолимое свойство знания. Однако историк воспринимает такое указание всерьез как руководство для дальнейшего поиска и стремится увеличить эмпирическое содержание исторического знания, подтвердить свою концепцию и индуктивно построить максимально полный концептуальный пазл.

Историк мечтает о том, чтобы теория и факты сошлись в гармоническом единстве. Последовательный переход от фактов к историческому событию, или логика истории, – это недостижимый, но истово взыскуемый венец творения историка. Для эпистемолога же логика представляет собой лишь исходный пункт дискурса, подлежащий критике: рациональное конструирование истории не является самостоятельной эпистемологической процедурой. В то время как историк ищет успокоения в знании, эпистемолог жаждет удивления. И потому он ориентирован на то, чтобы обнаружить новый исторический факт как «то, что не подходит», не укладывается в теоретическую схему. Ж.-Ф. Лиотар обозначает эту стратегию как поиск «различия» (*le differand*). Примерно то же Т. Кун называет «принятием аномалии всерьез». «Черным лебедем» назвал такой факт Н. Талеб [Taleb, 2007].

ИЭ обозначает *историчность* как внимание к тому, что выпадает из системы исключающей, демаркационной рациональности, что полагается вовне логики и что может быть только рассказано в качестве «истории», воспроизведено в форме трансляции архетипа. Историко-эпистемологическая интерпретация означает поиск того места, куда помещается неподходящее, невыводимое логическим путем; это разум «рефлектирующей способности суждения» [Кант, 1994, с. 50]. Кёнигсбергский мыслитель выделяет «определяющее суждение»,

которое обобщает отдельное, исходя из общего. «Рефлектирующее суждение», напротив, приходит к общему, отправляясь от особенного; оно хотя и направлено на целое, но, прежде всего, на то, что остается после исключения из целого ряда определений. Домысливая Канта сегодня, скажем другими словами: рефлектирующая способность суждения увеличивает смысловое многообразие путем деконструкции общего понятия в процессе исторической интерпретации. Тогда целое схватывается в виде типологической дефиниции, т.е. не в качестве обобщенных, но внутренне дифференцированных, типологически расчлененных содержаний.

Rewriting History: кто в своем праве?

Историческое событие первоначально, но нет первоначального исторического знания, оно всегда вторично, результат переписывания. Первоисточники существуют лишь в сознании историка. Он будет долго искать их, взвешивать аргументы и факты «за» и «против» и только после легитимации новой парадигмы начнет вносить коррективы в учебники по истории науки. В отличие от историка исторический эпистемолог следует К. Попперу и всегда готов отбросить свою теорию, если ей противоречит яркая и упрямая аномалия. После этого ему ничего другого не остается, как призвать к решительному переписыванию предшествующей истории науки и изыскать новых героев и конформистов, победителей и неудачников, лидеров и маргиналов. Его цель – не поиск знания как соответствия реальности, но дальнейшего стимула для исторического воображения.

Т. Кун ссылается как роман «1984» Дж. Оруэлла, в котором «Министерство правды» систематически переписывает историю. Он использует этот образ, чтобы охарактеризовать рутинную деятельность историка науки. Это выглядит социальным конформизмом или напоминает критику научными реалистами социальных конструктивистов. Стоит всерьез задуматься над вопросом: может ли историк не переписывать историю науки? Но прежде, чем отвечать на него, нужно вернуться к Оруэллу и вспомнить о том, что историю переписывают, прежде всего, идеологи и политики. И они это делают не только на бумаге, но и на практике – нарушая договоренности, разрывая исторические связи народов, развязывая революции и уничтожая целые страны. По сравнению с историческими катастрофами новая история науки является по-детски невинной забавой. Политики не имеют права ввергать людей в такие катаклизмы и должны нести за это суровую ответственность. В свою очередь, историки и исторические эпистемологи не только имеют право переписать историю науки в свете новых теорий и данных. Они обречены это делать,

рискуя ошибиться, но такова их историческая миссия, от которой нельзя отказаться. И тогда частный вопрос о переписывании истории оборачивается общей проблемой исторического субъекта.

Иллюзорность исторического субъекта

Что же происходит с главными персонажами и творцами исторического дискурса, когда он уже состоялся, многократно озвучен и переписан? Есть ли у них место в структуре исторического события, или субъект – это лишь эпистемическая фикция? Об этом еще один фрагмент из «Высокой болезни» Б. Пастернака.

А сзади, в зареве легенд,
Дурак, герой, интеллигент
В огне декретов и реклам
Горел во славу темной силы,
Что потихоньку по углам
Его с усмешкой поносила
За подвиг...

Поэт описывает собирательного революционного персонажа как «распределенную идентичность». «Дурак, герой, интеллигент» – это, во-первых, коллективный субъект исторического действия, включающий индивидов разного менталитета, интересов и целей, а во-вторых, персонификация изменяющейся роли и оценки одних и тех же людей в историческом пространстве и времени. Историк, доверяющий документам и свидетельствам, волен приписать своим персонажам мысли, замыслы, ценности и идеалы, может назначить их ответственными за некоторые высказывания и поступки. Однако для исторического эпистемолога, говоря словами Х.Л. Борхеса, «все это только сон». «Темная сила» истории безжалостна к своим героям и авторам. Она не хранит их подлинную идентичность, более того, категорически отказывает им во всякой аутентичности за пределами истории, делая их игрушками случая и интерпретации. Как только человек включается в историческое событие, он утрачивает свою личность, становится героем и персонажем, а в структуре исторического знания исторический субъект оказывается теоретической фикцией, пустым понятием. Казалось бы, героя изначально отличает «самоотверженность», трансцендентальная установка, дистанция по отношению к себе самому как эмпирическому субъекту. Но даже такая квалификация есть предвзятая реконструкция, неявно предполагающая, что мы что-то знаем о герое за пределами его героической ипостаси. ИЭ отдает приоритет истории перед личностью и требует считать подлинность и идентичность лишь эфемерными свойствами отдельных людей. Эти свойства неуловимы наукой, неприменимы

к историческим памятникам и артефактам. Выражения «попал в историю», «канул в историю» обладают явной амбивалентностью, намекая на неразрешимость дилеммы по поводу роли личности в истории. Несоизмеримость личности и истории зафиксирована в тезисе о «смерти субъекта» (М. Фуко) и «автора» (Р. Барт). Субъект умирает в истории, автор умирает в произведении. В этом трагичность исторической субъектности, а также научного и художественного авторства. Всякое признание есть целование мертвых. И вместе с тем лишь вписанность в историю гарантирует признание.

Казалось бы, подлинная наука противится такому пониманию. Научные достижения обладают объективностью, а ученые наделяются приоритетом в отношении своих открытий. Соглашаясь с этим, исторический эпистемолог вместе с тем задает неудобные вопросы. Разве не исторична научная объективность? Не является ли утверждение о приоритете элементом исторической реконструкции постфактум? При внимательном взгляде на перипетии социальной истории науки мы сталкиваемся с удивительным феноменом «сокрытых открытий». А. Авогадро, Земмельвайса, Г. Менделя не оценили при жизни из-за «эффекта Матфея»: их открытия не укладывались в мейнстрим науки того времени. С. Пейн, Л. Мейтнер, Н. Стивенс стали жертвой «эффекта Матильды» [Rossiter, 1993], т.е. не получили признания по причине дискриминации женщин-ученых. И Т. Кун, и И. Лакатос хорошо понимали, какие трудности ставит перед историком обращение к внешней истории науки. Развертывание событий утрачивает логику, знание – рациональность, а люди – высокое звание *homo sapiens*.

Поэтому исторический эпистемолог различает Историю 1.0 и Историю 2.0. Историю 2.0 можно назвать окультуренной, или вторичной, историей. Она неплохо знакома нам по документам и свидетельствам, записана, прочитана и многократно изменена. И напротив, История 1.0 подобна черному лебедю, или вещи в себе; она малопонятна и совсем непредсказуема. С ней мы встречаемся редко, такая встреча неповторима и трагична, здесь история поворачивается к нам своей стихийной, безжалостной, нечеловеческой стороной и свидетелей обычно не оставляет. Они уходят в небытие или превращаются в легенды и памятники, о которых с закономерными неточностями и лакунами повествует История 2.0.

Исторический персонаж подобен актеру, забывшему, что он на сцене, или поэту, сквозь сердце которого прошла трещина мира. История «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». И если ИЭ ограничена социальной эпистемологией со стороны исторического события, то применительно к историческому субъекту она подходит к своему второму пределу, становясь экзистенциальной философией науки [Касавина, 2018].

Выражение признательности

Мой интерес к исторической эпистемологии и более глубокое понимание ее проблем последние несколько лет активно стимулировался дискуссиями со многими коллегами, в первую очередь, из Института философии РАН, Нижегородского и Санкт-Петербургского государственных университетов. Среди них А.Ю. Антоновский, А.М. Дорожкин, Е.В. Масланов, А.Л. Никифоров, Т.Д. Соколова, О.Е. Столярова, Л.А. Тухватулина, В.П. Филатов, Е.Э. Чеботарева, С.В. Шибаршина, Л.В. Шиповалова; всем им моя глубокая признательность. Исключительно ценными оказались замечания к первому варианту данной статьи, высказанные В.Н. Порусом. Само собой, это не снимает моей личной ответственности за все возможные ошибки и заблуждения.

Список литературы

- Антоновский, 2018 – Антоновский А.Ю. Онтология – чья же она все-таки дочь? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 210–216.
- Кант, 1994 – Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994. 367 с.
- Касавин, 1999 – Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГИ, 1999. 408 с.
- Касавин, 2018 – Касавин И.Т. Научный реализм, онтология и мистика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 217–221.
- Касавина, 2018 – Касавина Н.А. Как возможна экзистенциальная философия науки? // История и философия науки в эпоху перемен. Сб. научных статей в 6 т. Т. 5. М.: РОИФН, 2018. С. 32–34.
- Никифоров, 2018 – Никифоров А.Л. А родился ли уже мальчик? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 203–206.
- Соколова, 2018 – Соколова Т.Д. Изменение, повторение и история // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 222–225.
- Степин, 2003 – Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
- Столярова, 2018 – Столярова О.Е. Историческая онтология как проблема // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 194–202.
- Шиповалова, 2018а – Шиповалова Л.В. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований // The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 4. С. 153–167.

Шиповалова, 20186 – Шиповалова Л.В. Научная революция: разрыв с прошлым или его возобновление? О двусмысленном ответе современной историографии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 47–57.

References

Antonovsky, A.Yu. “Ontologia – chja zhe ona vsetaki doch?” [Ontology: Whose Child Is It?], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, no. 45, pp. 210–216. (In Russian)

Cartwright, N. *The Dappled World: A Study of the Boundaries of Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 247 pp.

Kant, I. *Kritika sposobnosti suzhdenia* [Kritik der Urteilkraft]. Moscow: Iskustvo, 1994, 367 pp. (In Russian)

Kasavin, I.T. *Migratia. Kreativnost. Tekst. Problemi neklassicheskoy teorii poznaniya* [Migration. Creativity. Text. Issues of Non-Classical Theory of Knowledge]. Saint Petersburg: RHGI, 1999, 408 pp. (In Russian)

Kasavina, N.A. “Kak vozmozhna ekzistentsialnaya filosofia nauki?” [How Is Existential Philosophy of Science Possible?], *Istoria i filosofia nauki v epokhu peremen* [History and Philosophy of Science in the Age of Change], vol. 5. Moscow: ROIFN, 2018, pp. 32–34. (In Russian)

Latour, B. *We Have Never Been Modern*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993, ix + 157 pp.

Liotard, J.-F. *The Differend: Phrases In Dispute*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988, xvi + 208 pp.

Nikifirov, A.L. “A rodilsya li uzhe malchik?” [Has the Boy Been Born Yet?], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, no. 45, pp. 203–206. (In Russian)

Rossiter, M.W. “The Matthew/Matilda Effect in Science”, *Social Studies of Science*, 1993, vol. 23, pp. 325–341.

Sokolova, T.D. “Izmenenie, povtorenie i istoria” [Change, Repetition and History], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, no. 45, pp. 222–225. (In Russian)

Stepin, V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress Traditsiya, 2003, 743 pp. (In Russian)

Stoliarova, O.E. “Istoricheskaja ontologia kak problema” [Historical Ontology as a Problem], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, no. 45, pp. 194–202. (In Russian)

Taleb, N.N. *The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable*. New York: Random House, 2007, 400 pp.